

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

«АЛАНСКОЕ ДОСЬЕ» ПАТРИАРХА НИКОЛАЯ МИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ

Д. К. Асратян

Со времен Ю. А. Кулаковского считается установленным, что «христианство у алан... восходило лишь к началу X века. Показание в этом смысле дает... переписка патриарха Николая Мистика» [1, 167]. Практически так же об этом говорится и в новейшей литературе, например, в монографии Д. В. Белецкого и А. Ю. Виноградова: «Настоящее распространение христианства в Алании началось только с X века, и почти все фактические сведения о нем содержатся в письмах константинопольского патриарха Николая I Мистика» [2, 19].

Конечно, формулировка «настоящее распространение» не может не настораживать: во-первых, своей размытостью, что вряд ли допустимо для строго научного дискурса; во-вторых, невольно напрашивается мысль, что «настоящему распространению» христианства предшествовал некий период «ненастоящей» евангелизации. Судя по многочисленным письменным (и археологическим) свидетельствам, многие из которых приводятся в той же работе Д. В. Белецкого и А. Ю. Виноградова [2, 15-19], предыстория у «настоящего распространения» христианства действительно была, так что «все эти ранние свидетельства должны стать темой отдельного исследования» [2, 17].

Тем не менее, именно в начале X в. появляются первые достоверные сведения о существовании Аланской епархии, и пока практически единственным источником данных о ее появлении остается «Аланское досье» Николая Мистика (послания № 46,

51, 52, 118, 133, 134, 135), выделенное еще в 1844 г. первым издателем основного корпуса его переписки кардиналом Анджело Май [3 (1), XVII, XX]. Позднее русский исследователь Н. Волков обратил внимание и на другие послания патриарха, связанные с аланской темой — № 9, 23, 79 [4, 246, 252 и далее], но по-настоящему в научный оборот «Аланское досье» ввел лишь в самом конце XIX в. Ю. А. Кулаковский [1], к сожалению, не знавший о работе, проделанной его предшественниками.

Принимая во внимание исключительное значение переписки Николая Мистика для реконструкции истории Крещения Алании, нетрудно сделать вывод о том, сколь важными являются датировка писем и установление смысловых и хронологических связей между ними. Несмотря на прекрасную сохранность эпистолярного наследия Николая Мистика (во всяком случае, значительной его части) и на солидную историографию вопроса, нельзя не согласиться с С. Н. Малаховым, отметившим, что «наиболее дискуссионной стороной эпистолярного наследия Николая Мистика, которое относится к истории Алании, является проблема датировки писем, а, следовательно, хронология евангелизации Алании» [5, 29].

Из семи писем «Аланского досье» два (№ 46, 51) адресованы правителям Абхазии («Авасгии»), остальные — архиепископу Алании Петру (№ 52, 118, 133-135). Кулаковский категорически настаивал на том, что «в письмах к князю авазгов и архиепископу

Петру нет никаких указаний на события, которые бы имели определенную хронологическую дату» [1, 168]. Говоря о датировке «просвещения алан светом христианства», выдающийся ученый отметил лишь, что это «совершилось в патриаршество Николая Мистика и притом, вероятно, в ту пору, когда он вторично занял патриарший престол» (т.е. между 912 и 925 гг.). Но и это, по мнению Кулаковского, лишь догадка на том основании, что 9-е письмо (к болгарскому царю Симеону), которое доставляет некий проповедник христианства среди алан, написано «после несчастной для ромеев битвы при Ахелое 20 августа 917 года» [1, 168].

Можно констатировать, что Кулаковский слишком пессимистично оценил «Аланское досье» как инструмент датировки событий, связанных с Крещением Алании (см. ниже). Однако наиболее надежную привязку к хронологии дает не замеченное им, но тщательно проанализированное Волковым послание № 79 неким лицам, которых патриарх именует своими «духовными детьми» и которые ведут миссионерскую деятельность «в пустынном месте», среди людей с «чуждыми обычаями». Николай Мистик сообщает своим корреспондентам, что только вернулся на патриарший престол, — это позволяет точно датировать послание летом 912 года. Если справедливо предположение Волкова о том, что речь идет об Алании (а не, скажем, о Хазарии), — а с этим согласны практически все последующие исследователи, — то можно с уверенностью утверждать, что к лету 912 года миссия уже успела поработать в Алании достаточно продолжительное время, начав, очевидно, еще во время первого патриаршества Николая Мистика (901-907), если не раньше, чего не исключал нидерландский комментатор и издатель его переписки Л.Г. Вестеринк [6, 559]. Примечательно, что связь миссионеров с Николаем Мистиком сохранялась и после его низложения в 907 году — в письме говорится о посланце, которого они отправили к Николаю Мистике, еще не зная, очевидно, что последний восстановлен в патриаршем сане. О назначении епископа в

Аланию в письме № 79 прямо не говорится, однако Патриарх пишет, что миссионеры смогут вернуться домой, «оставив им (аланам. — Д. А.) тех, кто вместо вас будет своим учением вести их по правильному пути и заниматься их спасением». Можно предположить, что назначение епископа в Аланию уже было в планах патриарха, но официальное решение на момент написания письма еще не было принято.

Хотя адресаты письма № 79 остаются неназванными, можно с уверенностью утверждать, что один из них (возможно, руководитель миссионерской группы) упомянут в том самом письме № 9, написанном после сражения при Ахелое и надежно датированном августом или сентябрем 917 г. Этот человек, который некогда «среди алан силой Всесвятого Духа посеял слово веры», — так его рекомендует Патриарх, — теперь уже «игумен аскетов на Олимпе» (то есть настоятель одной из монашеских общин в Малой Азии) и, очевидно, пользуется особым доверием Николая Мистика, который поручает ему ответственную дипломатическую миссию к болгарам.

Неоднократно высказывалось предположение, что упомянутый в письме № 9 игумен — это Евфимий, о котором идет речь в послании архиепископу Петру за № 135. Действительно, о Евфимии говорится в сходных выражениях: «посеял семя учения» (среди алан). Но так можно сказать и не об одном человеке, а мы знаем, что в первой миссии было по меньшей мере двое участников. Можно лишь констатировать, что Евфимий был одним из адресатов письма № 79 и, соответственно, участником первой миссии, затем он был отозван (как и было обещано в письме № 79) и направлен в Аланию повторно уже при архиепископе Петре. Можно ли признать в нем наставника монахов на Олимпе, или это два разных участника первой группы миссионеров — сказать пока невозможно. Так же нельзя с полной уверенностью отождествлять Евфимия «Аланского» с Евфимием — адресатом краткого послания № 148, хотя это весьма правдоподобно. Более того, лексическая близость послания № 134 архиепи-

скопу Петру и послания № 148 позволяет предположить, что последнее также адресовано в Аланию [6, 582].

К сожалению, в отличие от писем № 79 и 9, послания архиепископу Петру, входящие в «Аланское досье» (№№ 52, 118, 133-135), действительно не имеют, как отмечал Кулаковский, столь же надежных привязок к точно датированным событиям. Не пишет патриарх и о том, когда было принято решение об учреждении Аланской кафедры и назначении на нее Петра. Из послания № 79 следует, что это произошло не раньше лета 912 г. С другой стороны, в письме № 133 отмечается, что архиепископ Петр, отправляясь в свое путешествие, оставил Патриарха «живущим в аду, или даже в еще более ужасном положении, чем живущие там, — ибо против них уже не воздвигаются ни зависть, ни война, ни заговор, нас же донныне все это окружает». Более того, объясняя задержку с письмом, Николай Мистик пишет следующее: «Мне весьма недостает гонцов. Ибо я в таком положении, что большинство страшится даже встретиться со мной. Также помни, что нам небезопасно писать, — дабы те, кто по грехам нашим стараются замыслить злое против нас, не получили через мои письма, неким неожиданным для нас образом, еще один способ действовать против меня» [7, 63-64]. Все это говорит о том, что архиепископ Петр направился на Аланскую кафедру в период опалы патриарха Николая, связанной с интригами Зои Карвонопсины, вдовы императора Льва Мудрого и матери малолетнего императора Константина Багрянородного, захватившей власть в феврале 914-го и правившей до конца 918 г. Вестеринк (а вслед за ним Белецкий и Виноградов) предположил, что отъезд Петра пришелся на 22-дневное бегство Николая Мистика в храм Святой Софии в феврале 914 г [6, XXII-XXIII, XXIX; 2, 23]. Впрочем, столь точной датировке противоречат слова самого патриарха, который пишет, что по-прежнему находится в том же бедственном положении, что и в момент отъезда аланского архиепископа. Стало быть,

можно лишь констатировать, что к месту служения последний направился не ранее февраля 914 г.

Вопреки мнению Кулаковского, более точно выстроить хронологическую цепь событий помогают письма «эксусиасту Авагии» (№ 46, 51, 162). Адресата послания № 51 Патриарх благодарит за усердие, которое он явил и являет «ради спасения народа алан и познания ими истины», отмечая его участие в «просвещении архонта Алании и тех, кто вместе с ним удостоился святого крещения», а также «страннопримство» в отношении «Богу любезнейшего архиепископа» Алании [7, 58]. Адресату послания № 46 Патриарх выражает соболезнования в связи с кончиной отца (очевидно, адресата послания № 51). Интересно, что в этом коротком письме, совмещающем соболезнования и завуалированное поздравление со вступлением на престол, Патриарх не забывает попросить и об архиепископе Алании, что свидетельствует как об активном участии покойного эксусиаста в деле просвещения Алании (и важности того, чтобы его дело продолжил преемник на престоле), так и об исключительном внимании патриарха к судьбам христианства на Северном Кавказе: «Об архиепископе же Алании, чадо наше, мне нечего писать. Ибо ты сам, как человек понятливый и разумный, зная, что труд его служит во спасение людей и к славе великого имени Божьего, и без моего письма непременно поможешь ему, ради предлежащего на небесах воздаяния боголюбцам, и посодействуешь в трудах. И если он, пребывая среди народа иноного в земле чужой, нуждается в чем-то необходимом или облегчающем жизнь, то ты с готовностью обеспечишь его, получая для этого силу от Бога» [7, 58].

В третьем послании «эксусиасту Авагии» аланы не упоминаются, зато в надписании приводится имя адресата — Георгий (у Кулаковского ошибочно «Григорий» [2, 169]). Вестеринк, опираясь на хронологию правления абхазских царей, предложенную американским кавказоведом К. Тумановым, констатировал, что письмо № 51 адресовано Константину III, а письмо

№ 46 — его сыну Георгию II [6, 547, 549]. Согласно К. Туманову, кончина Константина последовала в 916 или 917 гг. На основании послания № 51 можно сделать вывод, что к этому времени архиепископ уже провел некоторое время в Алании, а правитель алан и некие лица из его окружения приняли крещение. Стало быть, вступление первого архиерея на Аланскую кафедру, крещение архонта и других алан, уже подготовленных к этому миссионерской группой Евфимия (вполне вероятно, что архонта крестил сам архиепископ), ограничиваются периодом с февраля 914-го по 916/917 г. Однако хронология правления царей Абхазии пока не может считаться окончательно установленной. Так, Б. Мартен-Изар [2, 24] полагает, что смерть Константина и воцарение Георгия имели место в 922/923 г., — в этом случае временной диапазон, включающий перечисленные события аланской истории, увеличивается.

Пять писем патриарха архиепископу Петру по содержанию могут быть разбиты на три группы: № 133 и 52; № 134 и 118; № 135. Переписку открывает послание № 133, по всей видимости, написанное в ответ на первое письмо архиепископа Петра из Алании. Очевидно, с момента его отъезда из Константинополя прошло уже немало времени (по мнению Вестеринка — около года [6, 577]) — архиерей уже успел добратся до Алании, столкнуться там со «скорбями», сделать вывод, будто он забыт своим патриархом, и написать письмо, в котором, помимо упреков первосвятителю, содержались также сведения о многоженстве у алан (видимо, Петр упоминает конкретный случай двоеженства какого-то представителя аланской элиты). В ответ Николай Мистик, как уже отмечалось выше, напоминает, что и сам «живет в аду... доньне», многословно и красноречиво отвечает на упреки архиепископа Петра, призывая его исполнить «добрый подвиг и служение Богу, к которому... был призван благодатью», а относительно «беззаконного брака» дает следующий совет: «Если возможно увещеванием и наставлением расторгнуть супружество, — Богу всякое благодарение! Если же сопро-

тивление слишком сильное, то пусть зло хотя бы не распространяется, так чтобы не осквернялся отныне подобными браками народ. Этого ты достигнешь, постоянно увещевая правителя народа и мужа, которому попускается сожительство, ввиду того, что оно уже свершилось» [7, 64].

При внимательном чтении нельзя не заметить чрезвычайное сходство посланий № 133 и 52. Как предположил Вестеринк, послание № 133 не дошло до адресата, и вместо него Николай Мистик отправил его «дубликат» — послание № 52 [6, 549]. О том, что некоторые из посланий не доходили до Алании, сообщает сам Николай Мистик в письме № 52: «Ибо я писал, и не раз, но дважды и трижды, хотя, по-видимому, написанное не достигло тебя» [7, 59]. Высказывалось предположение [2, 30], что речь идет о трех письмах из «Аланского досье» — № 133, 134 и 118. Однако это маловероятно. Как уже говорилось выше, письмо № 133 было написано в ответ на несохранившееся письмо архиепископа Петра. Чтобы сделать вывод, что послание № 133 не дошло до адресата, патриарх должен был получить от него по крайней мере еще одно письмо. Но в послании № 52 речь идет об *одном* послании архиепископа Петра и, судя по репликам патриарха, *том же самом*, на которое он уже ответил посланием № 133. Откуда же в таком случае Патриарх мог знать, что последнее не дошло до адресата? По-видимому, письма архиепископу Петру, о которых патриарх упоминает в послании № 52 («писал, и не раз, но дважды и трижды, хотя, по-видимому, написанное не достигло тебя») были написаны до того, как Николай получил от Петра первое письмо (с упреками в свой адрес) и, соответственно, до послания № 133. Последнее действительно не дошло до адресата, но, скорее всего, не было и отправлено — то ли ввиду упоминаемых в нем трудностей с гонцами, то ли потому, что патриарх по каким-то причинам решил его переписать. Второй вариант (№ 52), при всем сходстве, получился значительно мягче первого. Патриарх уже не пишет, что подозрение в забывчивости «показалось невыносимым и

нанесло смертельную рану», а лишь говорит, что послание архиепископа его «весьма опечалило». Еще более поразительна перемена позиции патриарха относительно полигамии у алан (нельзя не вспомнить, что именно непримиримое отношение к четвертому браку императора Льва Мудрого обусловило многолетний конфликт Николая Мистика с Зоей Карвонопсиной, который в свое время стоил ему патриаршего сана, а во время написания писем № 133 и 52 привел к тяжелым последствиям, превратившим жизнь патриарха в «ад»). Теперь он пишет значительно подробнее и, можно сказать, более взвешенно: «Что же касается того, о чем ты написал, — о брачных делах, противных установлениям Церкви, и прочих обычаях, которые склоняют к языческому образу жизни тех, кто их придерживается, то тебе неизвестно, что столь внезапный переход от язычества к евангельской строгости не дается легко. Посему надлежит тебе учить и увещевать к добру непрестанно, по-отечески и с кротостью; и, если тебя слушаются, благодарить Дающего благодать через твое учительство, если же противятся, терпеливо сносить, особенно если непокорные принадлежат к высшему классу своего народа и являются не управляемыми, а управляющими. С подчиненными, возможно, ты можешь быть более строг и властен, и ни в коем случае не примиряться с бесчинствами; но к тем, в чьей власти воспротивиться спасению целого народа, необходимо подойти с рассуждением, не то слишком суровым к ним отношением мы можем ненароком вконец разгневать их и тем самым перевернуть все с ног на голову. Тому много у тебя примеров из дел человеческих. Так и врач нередко уступает суровой болезни, и рулевой не прилагает усилий более возможных при течении, противоположном ходу судна, и военачальник нередко вынужден уступить из-за натиска противника. Ты и сам знаешь наше положение: учитель, которому не под силу побороть непослушание учащихся, если не хочет пострадать от собственной глупости и неразумия, пусть пощадит дерзость непокорных учеников и уступит

им на время, чтобы вновь заставить их внимать учению» [7, 61]. Не этот ли пересмотр позиции по вопросу многобрачия стал причиной предполагаемого отказа от отправки письма № 133 и появления его новой версии — письма № 52? Во всяком случае, такую возможность не следует исключать.

Можно также предположить, что патриархом не было отправлено и письмо № 134, похожее на краткий черновой вариант письма № 118 [7, 61-62, 64]. Это также ответ на некое письмо архиепископа Петра, в котором тот «ропщет» (№ 134) на разлуку с патриархом и жалуется на «заботы» на чужбине, «беспокоящие разум» (№ 118). Написаны письма № 134 и 118, очевидно, после посланий № 133 и 52; в отличие от последних, Николай ничего не пишет о своих бедствиях — возможно, к этому времени пик конфликта с Зоей миновал, а может, коварная вдова Льва Мудрого уже была окончательно отстранена от власти (в 919 г.).

Наконец, о важном эпизоде в истории христианизации Алании говорится в послании № 135 [7, 64-67], написанном в связи с еще одним жалобным письмом архиепископа Петра. Отвечая на упрек, будто патриарх не знает и не может понять, что значит жизнь на чужбине, Николай Мистик ссылается на свое «нынешнее положение» — несмотря на некоторую туманность выражений, он, похоже, имеет в виду, что по-прежнему находится под давлением партии своих противников (т.е. послание написано еще в регентство Зои). Главной ценностью письма как исторического источника является то, что в нем довольно подробно говорится о Евфимии, который, как мы узнаем, незадолго до того был вновь направлен, вместе с неназванными спутниками, в Аланию, чтобы помочь архиепископу Петру. В момент написания послания отношения между Петром и Евфимием складывались весьма непросто, и патриарх призывает Петра избежать назревающего конфликта. Как отмечалось выше, весьма вероятно, что Евфимий — то же лицо, что и игумен монастыря, доставивший в 917 г. болгарскому царю Си-

меону послание № 9, а также адресат письма № 148, носящий то же имя.

Подводя предварительные итоги, можно утверждать, что послания Николая Мистика позволяют довольно подробно реконструировать события, связанные с деятельностью византийских миссионеров в Алании начиная с 912 г. и в течение нескольких последующих судьбоносных лет. Заметно размывает картину неясность с датой кончины царя Абхазии Константина.

Однако более важной и сложной остается задача систематизации всех сведений о распространении христианства среди алан до второго десятилетия X в. Очевидно, что к прибытию Евфимия и его товарищей (видимо, во времена первого патриаршества Николая Мистика, то есть в первые годы X столетия) аланское общество было довольно подготовленным к принятию христианства, что и обусловило успех византийской миссии.

---

1. Кулаковский Ю. А. Христианство у алан // Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.

2. Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. М., 2011.

3. Spicilegium Romanum. Tomus X [pp. 1-2]. Roma, 1844.

4. Волков Н. Николай Мистик, Патриарх Константинопольский (896-925 г.) // Прибавления к творениям св. отцов. 1861. Ч. 20. Кн. 2. С. 163-265.

5. Малахов С. Н. Христианизация Алании в 912-922 гг. (по письмам Николая Мистика) // Мир православия: Сборник научных статей. Волгоград, 2000. Вып. III. С. 28-36.

6. *Nicholas I Patriarch of Constantinople*. Letters/Greek text and English translation by R. J. H. Jenkins and L. G. Westerink. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies. Trustees for Harvard University, 1973 // *Corpus fontium historiae byzantinae*. V. VI.

7. Мамиев М. Э. Аланское православие: история и традиция. М., 2014.